

О том, как Шукшин приезжал на Ставрополье, я знал не понаслышке. Поездом Москва — Кисловодск Василий Макарович приехал в Минеральные Воды весной 1974 года, в начале апреля.

Остановился Шукшин в Железноводске, в санатории «Дубовая роща». Вместе с ним была и его жена, актриса Лидия Николаевна Федосеева (Федосеевой-Шукшиной она стала после смерти Василия Макаровича.— Н. Б.).

«Дубовая роща» знаменита была во все времена: здесь и сегодня лечат болезни желудочно-кишечного тракта. У Василия Шукшина болезнь обострилась на заключительном этапе работы над фильмом «Калина красная».

В феврале в Москве, в Доме кино, прошла премьера фильма «Калина красная».

«Я помню премьеру „Калины красной“ в Доме кино,— вспоминала кинорежиссёр Ирина Поплавская,— его битком набитый большой зал: мест не хватало, сидели на ступеньках, стояли в проходах. Было потрясение, особенно от поразительной сцены встречи слепой матери и её блудного, так и не открывшегося ей сына... Странно двуликой была эта премьера. Большинство зрителей словно было охвачено эмоциональным исступлением, люди были счастливы этим искусством, радовались, обнимали и благодарили стоявших в фойе Шукшина и Заболоцкого. Взволнованные лица, мокрые, блестящие глаза!.. Другие, меньшинство, стали мрачны, замкнуты и присутствовали среди общего бурно изъясляемого ликования как на панихиде. Это богатство таланта, чувства, открытости, любви мучило и извило бедный, мрачный и злобный дух вездесущего Сальери».

Вот в этот период и обострилась снова мучившая Шукшина язва. Откладывать санаторно-курортное лечение дальше было нельзя. Ничто не держало Шукшиных в Москве, разве что дети. Девочки посещали детсад в городе Бронницы Подмосковья, в пятидесяти пяти километрах от Москвы. В 1974 году Маше шёл седьмой, Оле — шестой год. Оставив детей на попечение матери Лидии Николаевны, Шукшины отправились в Железноводск.

Но и тут усидеть без дела Шукшину не удалось. Руководство санатория обратилось к режиссёру с просьбой устроить премьеру его последнего фильма и встретиться со зрителями. И такая встреча произошла с отдыхающими санатория «Дубовая роща»,

а шестого апреля в кинотеатре «Мир» Железноводска впервые на Ставрополье был показан фильм «Калина красная».

В «Кавказской здравнице» за девятое апреля 1974 года нахожу небольшую информацию «Рассказывает Василий Шукшин»: «На встрече с отдыхающими санатория „Дубовая роща“ он (В. Шукшин. — Н. Б.) рассказал о работе над фильмом, о том, где и как проходили съёмки. Здесь же, в клубе здравницы, присутствовала и исполнительница роли главной героини этого фильма Лидия Федосеева».

В село Юца Предгорного района на встречу с колхозниками колхоза «Пролетарская воля» В. М. Шукшин и Л. Н. Федосеева приехали по приглашению его председателя Николая Ивановича Рябенко, кавалера ордена Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени. В колхозной многотиражке за первое мая 1974 года опубликовано лишь небольшое сообщение: «В гостях у колхозников — киноартисты». И никаких подробностей.

Пребывание Шукшиных в Железноводске совпало с работой VII Всесоюзного кинофестиваля в Баку. Вот как об этом рассказывала жена режиссёра Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина через тридцать пять лет после триумфального шествия «Калины красной» в ставропольском кинопрокате:

«О том, что наша картина представлена в Баку, мы узнали позже всех, уже к финалу фестиваля. В это время мы с Василием Макаровичем отдыхали и проходили профилактические обследования в санатории в Железноводске. Нас туда перед съёмками „Они сражались за Родину“ устроил Сергей Бондарчук.

В номере телефона не было, и когда ночью из административного корпуса прибежали за нами, мы успели о многом подумать, а оказалось, что нас срочно вызывают в Баку на закрытие фестиваля.

А когда мы собирались в санаторий, то Вася меня попросил не брать много вещей, ведь чемоданов с колёсиками тогда ещё не было, так что с собой у меня были лишь парочка простых кофточек да халатик.

В санатории мы подружились с семьёй Роберта Рождественского, пришлось просить его жену меня выручить. Алёна одолжила мне свои туфельки и юбку, которая подошла к моей блузке-матроске из кримплена. Через энное количество лет видела себя в кинохронике того фестиваля. На фоне всех вечерних платьев очень даже ничего получился наряд, достойный.

Но Баку мне запомнился рассказами об интригах в жюри. Председатель Станислав Ростокский категорически не хотел

давать „Калине красной“ главный приз. Фестиваль всесоюзный, и потому в жюри были представители от каждой республики. Они и рассказали нам, как пообещали выйти из состава жюри, если не победит фильм Шукшина. Вот и испугались скандала.

А на банкете закрытия мы познакомились с Гейдаром Алиевым. Он был тогда первым секретарём ЦК Компартии Азербайджана, но с нами он общался как восторженный зритель, настолько ему понравился фильм. И меня называл не Лидой, а Любой — по фильму. И когда через много лет я вновь поехала в Баку на кинофестиваль „Восток-Запад“, он тут же меня узнал и стал добрыми словами вспоминать фильм „Калина красная“.

«Калина красная» не сходила с афиш кинотеатров «Экран», «Родина», «Дружба» Ставрополя весь апрель, май и июнь. На Кавказских Минеральных Водах в кинотеатре «Мир» Железноводска «Калину красную» «крутили» до середины апреля, а в кинотеатрах «Россия» Кисловодска, «Космос» Пятигорска, «Дружба» Ессентуки — с шестнадцатого по двадцать восьмое апреля... Фильм показывали в двадцати шести районных центрах Ставропольского края и в семи районных центрах Карачаево-Черкесской автономной области (она в те годы входила в состав Ставропольского края. — Н. Б.). А ещё были Дома культуры и клубы сёл, станиц и хуторов. В учебных заведениях фильм показывали на узкоплёночных кинопроекторах.

Картина потрясла не только зрителей, но и кинокритиков. «Калиной красной» восхищались Антониони, Феллини. После VII Всесоюзного кинофестиваля в Баку «Калина красная» собрала целый букет наград — в Польше, Германии и Югославии. Немецкий кинорежиссёр и сценарист Райнер Вернер Фасбиндер включил картину «Калина красная» в число десяти своих самых любимых фильмов. Картина ушла в прокат к зарубежному зрителю в 1975 году: первого марта состоялась её мировая премьера.

На Фестивале фестивалей в Белграде в 1975 году тридцать одна страна представила девяносто картин. И в число лучших пяти фильмов «Феста-75» была включена «Калина красная».

На кинофоруме в Авиньоне в том же 1975 году открыла для себя фильмы Шукшина Франция. В дни Недели советского кино французы восхищались «Калиной красной». Специально для этого фильма были сделаны субтитры, он выходил в массовый прокат. К слову, советские фильмы в те годы — редкие гости на зарубежном коммерческом экране.

Киноведы, которые сегодня читают за рубежом лекции о Шукшине и представляют программы его фильмов, как правило, говорят прежде всего об успехе «Калины красной».

К рассказу Лидии Николаевны о том, как они с Василием Макаровичем приехали в Железноводск, хотел бы добавить ещё одно немаловажное воспоминание.

Да, Шукшин приехал в санаторий по рекомендации лечащего врача. А с путёвкой действительно помог Сергей Фёдорович Бондарчук. Но все эти события совпали и с желанием самого Шукшина своими глазами увидеть Ставрополье, Кавказские Минеральные Воды. О Старополье ему так увлекательно рассказывал в Москве ставропольский писатель Вадим Сергеевич Чернов.

Был в жизни Чернова период, когда кино неудержимо манило его, и он чуть не стал его служителем. Но, как вспоминал Чернов, судьба уберегла его от этого пути, действуя, как ни странно, в какой-то степени руками Василия Шукшина.

«Шукшин и я,— рассказывал Вадим Сергеевич,— тогда были неизвестными начинающими литераторами, но бесовский огонь честолюбия распался наше тщеславие, не давал покоя. Мы тогда, как и многие другие провинциалы, стремились сказать своё слово в искусстве, занять место под солнцем славы, но не знали, как это делается».

В конце 1960 года Чернов, автор очерков, телесценариев и даже одной плохой книги, как он сам признавался, ушёл из газеты, стал слесарем, затем тренером по велоспорту на ставропольском заводе «Электроавтоматика». Именно эта работа, не просто наблюдение за жизнью спортсменов, а участие в тренировках и соревнованиях, дала новый богатый материал для будущей книги. Написал её он с лёгкой руки Шукшина и таких, как он, устремлённых в жизни людей.

Потом он написал более десятка документальных рассказов из жизни рабочих завода «Электроавтоматика», они были приняты для публикации в «Литературной газете», в журнале «Октябрь», где печатали и первые рассказы Шукшина «Правда», «Светлые души», «Стёпкина любовь», «Экзамен».

Особенно урожайным для Шукшина и Чернова стал 1962 год. Рассказы Шукшина в шестьдесят втором напечатали «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Труд», «Октябрь», «Москва», «Молодая гвардия». Рассказы Чернова в том же шестьдесят втором напечатали «Комсомольская правда», «Советский спорт», «Литературная газета», «Пионерская

правда», «Октябрь», «Ставрополье», «Ставропольская правда», «Молодой ленинец».

В 1963 году отдельными изданиями вышли первые книги Вадима Чернова «День, который начинается» — в издательстве «Молодая гвардия», «Стартовая площадка» — в Ставропольском книжном издательстве. У Шукшина первая книга рассказов под названием «Сельские жители» тоже напечатана в 1963 году. А шестого марта 1963 года издательство «Советский писатель» приняло к изданию рукопись романа «Любовины» и заключило договор с Шукшиным.

Первые рассказы Шукшина произвели на Чернова (даже не знаю, какое определение подобрать) ошеломляющее впечатление. Вадим Сергеевич видел: Шукшин пишет о том, что хорошо знает, прежде всего о сельских жителях родного Алтая.

В 1969 году Чернов получил письмо от киевского режиссёра Александра Боголюбова (самый известный его фильм — «Батальоны просят огня». — *Н. Б.*). Тот предложил Вадиму Сергеевичу совместно с ним написать сценарий по его повести «Тигр в алой майке» и сыграть роль тренера Дика Соболева в фильме, который он хотел поставить.

«Кино снова пыталось уловить меня в свои сети,— рассказывал Вадим Сергеевич,— и я, забыв о предупреждении Василия Макаровича, что оно — страшная, ненасытная сила, вылетел в Москву, в большевский Дом творчества кинематографистов, где меня ждали Боголюбов и какой-то сын большого начальника из Комитета кинематографистов. Сын начальника был толстый и вальяжный, кого-то мне напоминал, хотел быть тоже соавтором будущего фильма. „Ребята,— говорил он, часто сморкаясь и странно хрюкая,— без меня денег вам на съёмки фильма никто не даст“».

Чернов с Боголюбовым согласились взять его в соавторы, но он Вадиму Сергеевичу активно не нравился. И Чернов начал искать встречи с Василием Макаровичем, чтобы с ним посоветоваться. Заключение Шукшина было жестоким: «Знаю этого типа. Будь от него подальше... Он ведь кормится около таких наивных провинциалов, как ты».

Чернов рассказывал, как они с Шукшиным вновь вернулись к давнему разговору о том, как всякий кулик своё болото хвалит. Шукшин соглашался, что Северный Кавказ напоминает чем-то Алтай. «Только мой Алтай лучше,— говорил он.— Приезжай — и ты в этом убедишься».

А Вадим Сергеевич приглашал Василия Макаровича в Ставрополь, где в те годы чувствовал себя хозяином, уважаемым в городе человеком.

«Когда Шукшин приехал в Ставрополь? — переспросил меня Вадим Сергеевич. — В семьдесят четвёртом? Тогда я находился в Переделкино, где проходил месячный семинар молодых очеркистов России. Я вместе с писателем Василием Росляковым вёл группу „семинаристов“. Там-то я впервые увидел последний фильм Василия Макаровича. Он на нас всех, писателей, находившихся в Переделкино, произвёл огромное впечатление. Судьба Егора Прокудина чем-то напомнила мне судьбу самого Шукшина, хотя Шукшин никогда не сидел в тюрьме, никогда не был трактористом и многим со стороны казался благополучным человеком, который получил от жизни всё, что можно: славу, деньги, почёт... А он, оказывается, жил среди нас как в тюрьме, мечтал о свободе, тосковал по своему просторному, красивому Алтаю... Он, думаю, тяготился жизнью в столице, не стал своим в Москве. И потому ему, наверное, очень снились Алтай, река Катунь, его родное село... Фильм, по слухам, не хотели пускать в прокат, кому-то в верхах показалось странным, что писатель сделал главным героем человека, вышедшего из тюрьмы, и сам сыграл его. И полетели в Шукшина стрелы. В сущности, его стали морально убивать. Это у нас всегда умели делать...»

...Из Баку Шукшин вернулся снова в Железноводск, и не один, а с группой артистов киностудии «Мосфильм». Шукшин пригласил с собой в Железноводск Жанну Прохоренко, сыгравшую роль следователя прокуратуры, Леонида Куравлёва — исполнителя главных ролей в фильмах В. Шукшина «Ваш сын и брат», «Живёт такой парень», актёра Станислава Чекана — исполнителя роли милиционера в фильме «Бриллиантовая рука», кинорежиссёра Эдуарда Абалова, известного зрителям как постановщик фильма «Стряпуха».

...«Калину красную» уже не первую неделю показывали в широкоформатном кинотеатре «Экран»: по семь сеансов за день. Кинотеатр был новый, как бы сказали сегодня, модный, в центре города. Практически на всех сеансах всегда полно народу.

Об успехе «Калины красной» на Ставрополье мне рассказал Владимир Петрович Скачилов. В 1974 году он преподавал в Ставропольском кинотехникуме. И был на премьере фильма.

«В тот день зрители ждали Шукшина, — вспоминал Владимир Петрович. — Билеты раскуплены на все сеансы. И на каком

из них появится Шукшин, большинство зрителей не знало. Он появился на девятнадцатичасовом сеансе. На этом сеансе был и я. Из его монолога мне запомнилось, что „за всё человеку приходится платить — и за хорошее, и за плохое“. А сам фильм, конечно, был потрясением. Сегодня таких фильмов не снимают».

Шукшин вышел к зрителям из-за кулис вместе с артистами и заместителем председателя Ставропольского крайисполкома Николаем Тимофеевичем Дорохиным.

На встрече с Шукшиным в кинотеатре «Экран» присутствовал журналист газеты «Молодой ленинец» Василий Кизилов. Из всех публикаций тех лет в местной печати он наиболее полно записал рассказ режиссёра об истории создания фильма. Вот что сказал Василий Макарович зрителям в тот апрельский вечер:

«Биография моего героя может показаться неясной, поэтому я хочу её предварить. Многие люди в голодные послевоенные годы уходили из сибирских деревень в город в поисках заработка. Всякое случалось с ними. Мой Егор, уйдя из деревни, потерял всё. Его понесло по жизни, как сорванную ветку. Он стал вором. Реального прототипа Егора Прокудина у меня нет, и вместе с тем в жизни такое могло случаться и случалось.

Я хотел бы ответить на возможные зрительские вопросы: надо ли было Егора Прокудина убивать, ведь он сделал попытку к собственному оздоровлению? Мне хотелось сказать судьбой моего героя об ответственности человека перед землёй, которая его взрастила. Человеку за всё приходится платить — и за хорошее, и за плохое. Ещё и об этом мой фильм.

Я не скрываю сострадания к своему герою, вместе с тем я говорю, что за человека надо бороться до самого последнего конца».

В интервью корреспонденту «Ставропольской правды» Шукшин так ответил на вопрос о замысле фильма: «Меня часто спрашивают, почему я взялся за эту тему — „перековки“ сложнейшего духовного переустройства человека. Шутка ли, главный герой фильма — преступник, человек, на совести которого много сознательных и опасных преступлений, вор по убеждению. В основу фильма действительно положен случай исключительный, случай тяжёлый. Что же побудило меня обратиться к столь мрачной истории? Глубоко убеждён, что нашему искусству по плечу самые трудные темы, если они освящены идеями добра, веры в человека. Как у врача нет права торопить человека с окончанием жизни, так и в искусстве нет такого права отступить от человека, отказаться верить в него. В основу фильма я, кроме внешнего сюжета, положил тему

внутреннюю: человеку необходимо добро. Добро всё равно в конечном счёте победит. Биография героя не вошла в фильм, но она взята из жизни. В тяжёлые послевоенные годы из деревни в город устремился поток подростков, спешащих получить специальность, „стать на ноги“ с помощью профтехучилища, рабочего ученичества. Я сам был в этом потоке и видел, как подстерегало нас на этой дороге зло, как протягивало оно руки к неопытным, несмышлёным мальчишкам. Мой герой поддался злу. Сегодня ему сорок лет. Он закоренелый преступник».

Отвечая на реплику, что некоторые зрители недовольны финалом картины, Шукшин сказал: «На вопрос, зачем нужно было убивать героя, ответить непросто. Но, честно говоря, я не видел другого выхода. Ведь он очень виноват перед людьми и должен был за это расплатиться. При всём моём сострадании, сочувствии к герою, побеждает диалектика, действует суровый, но справедливый закон расплаты за зло. Это уже не моя воля. Это жизненная закономерность».

Представляя актёров, Шукшин отметил, что в основном они были «насмотрены». Роль Егора Прокудина исполнил сам

Иван Рыжов, Василий Шукшин и Алексей Ванин на съёмках фильма «Калина красная». Фото А. Заболоцкого

режиссёр, а его подругу по переписке Любу — актриса Лидия Федосеева. Отца Любы сыграл актёр Иван Рыжов, мать Любы — актриса Мария Скворцова, Зою сыграла Мария Виноградова. Не-профессиональный актёр играет роль брата героини. Это земляк Шукшина Алексей Ванин. Алтаец, фронтовик, работал в те годы тренером. А вот роль матери главного героя исполнила обычная пожилая крестьянка Ефимия Быстрова (в фильме она Офимия).

«Очень большую роль сыграла натура. Фильм снимался на Вологодчине, в маленьком старинном городке Белозёрске. Сама жизнь постоянно вторгалась в наш фильм, — говорил Шукшин. — Вот, скажем, эпизод встречи героя с матерью, которая считает его потерявшимся на жизненных дорогах. Роль матери играет не киноактриса, а обыкновенная деревенская старушка. Впрочем, она не играет. Она просто рассказывает. Героиня, которую исполняет Лидия Федосеева, слушает печальную историю матери, три сына которой погибли на фронте, а четвёртый сгинул неизвестно где. А мы сняли этот эпизод скрытой камерой. И в фильм пришла правда — глубокая, потрясающая и пронзительная».

Через тридцать пять лет после премьеры фильма Лидия Николаевна рассказала, как снимался этот эпизод: «Съёмки шли в натуральном интерьере избы, и замечательный наш оператор Анатолий Заболоцкий приспособил аппаратуру так, чтобы не смущать непрофессиональную актрису. Камеру он установил на улице, снимал через выставленное окошко, а звук писался синхронно. Бабушка отвечала на мои вопросы и рассказывала свою жизнь. Эпизод получился щемящим до слёз».

Позднее узнал, что в 2003 году жители Белозёрска собрали деньги и установили памятник на могиле простой крестьянки Ефимии Быстровой. На памятнике — фотография Быстровой в роли Куделихи из фильма «Калина красная». Мне кажется, что это памятник всем российским матерям, родившим, воспитавшим и проводившим сыновей в дальнюю дорогу, матерям, не дождавшимся своих сыновей с великих строек пятилеток, с войн, из тюрем, лагерей ГУЛАГа, геологоразведочных экспедиций, с заработков на северах, рыболовецких путин, лесозаготовок... У моей бабушки Ольги Кирилловны Блохиной (в девичестве Бабыкиной) был обычай: провожая кого-либо из родных в дальнюю дорогу, она незаметно клала хлебный шарик в карман того, кто покидал родной дом. Такой же шарик из хлеба она положила и мне в карман пиджака, когда я уходил в армию...

У Шукшина была ещё одна встреча со ставропольскими зрителями и читателями в Пятигорске, в Центральной библиотеке имени

М. Горького. Она состоялась двадцатого апреля 1974 года. Дата установлена по автографу В. М. Шукшина, который он оставил на своей книге «Земляки» (М., изд-во «Советская Россия», 1970).

«Тот весенний день 1974 года в Пятигорске был холодным, промозглым,— вспоминали ветераны библиотеки,— дул пронизывающий ветер. Но капризы погоды не помешали тёплому и открытому общению Василия Макаровича с жителями города — читателями библиотеки. Пятигорчане, поклонники его таланта, с большим интересом слушали своего кумира, задавали много вопросов. Василий Макарович внимательно слушал, что говорили зрители о „Калине красной“, о его ранних фильмах, о кино. Встреча превратилась в своеобразный диалог. На встрече шёл разговор и о творчестве Шукшина-писателя. Читатели интересовались, какие новые книги писателя выходят в издательствах страны, над чем работает Василий Макарович. В отделе редкой книги Пятигорской центральной библиотеки и сегодня бережно сохраняется книга В. Шукшина „Земляки“ с его коротким автографом: „Центральной библиотеке города Пятигорска. В. Шукшин. 20.04.1974 г.“».

В Пятигорске, представляя «Калину красную», Шукшин говорил: «Меня упрекают, что я воспел уголовника. Да, эта картина об уголовнике. Ну, какого плана уголовник? Не из любви к делу, а по какому-то, так сказать, стечению обстоятельств житейских. Положим, сорок седьмые годы, послевоенные годы. Кто повзрослее, тот помнит эти голодные годы... Большие семьи. Я не знаю, как у вас было. У нас в Сибири это было страшно. Люди расходились из деревень, попадали на большие дороги. И на больших дорогах ожидало всё этих людей, особенно молодых, несмышлёных, незрелые души. И как часто тоже бывает — зло более организовано на земле. И люди недобрые, к нашему стыду живущие, иногда случаются более внимательными. Они подбирают таких вот неопытных людей и обращают их в свою веру или приобщают к своему делу. В данном случае получилось так, что приобщили его (Егора Прокудина. — *Н. Б.*) к воровскому делу. А человек хороший был. Душа у него была добрая. Но тем не менее ему наладили такую вот жизнь... И пошли, значит, тюрьмы, пошли колонии... И вот ему уже, в общем, сорок лет, а просвета никакого в жизни нет. Но душа-то у него восстаёт против этого образа жизни. Он не склонен быть жёстким человеком. А ремесло его предполагает жёсткость, жестокость даже. Отсюда противоречие в его жизни. И вот, собственно, на этом этапе мы и застаём нашего героя — когда он последний раз выходит из заключения. И опять перед ним целый мир, целая жизнь...»

Практически все, кто побыл в те апрельские дни 1974 года на показах фильма, делились одним общим ощущением: «Калина красная» держала зрителя в напряжении, не ускользала ни одна деталь. Когда фильм заканчивался, зрители вставали и аплодировали. У многих на глазах были слёзы. Такого кино страна не знала.

И ещё об одном человеке, в сердце которого Василий Макарович Шукшин оставил след. В 1974 году Галина Змиевец работала в средней школе № 2 города Невинномысска. Когда она услышала по радио, а затем прочитала в газетах сообщение о том, что Шукшин умер на съёмках фильма «Они сражались за Родину», её не оставляла мысль, что она должна побывать в Москве.

Вот что она рассказывает: «А калина под его окном, оказывается, не растёт. Была уверена, что обязательно встречу здесь, в Москве, на улице Бочкова, недалеко от станции метро „Алексеевская“, этот скромный куст. Есть мемориальная доска с горельефом Василия Макаровича, есть его квартира на пятом этаже, кабинет, стол, библиотека, а калины нет. Зато у нас на радужных кубанских склонах, в палисадниках, в городских скверах земля ежегодно осенью вспыхивает багровой памятью — калиной красной. Далеко-далеко за горизонт несут тот красный цвет волны Кубани. В их шёпоте слышится голос Василия Макаровича, согретый любовью к людям: „Нам бы по душу не забыть. Нам бы немножко добрее быть...“»

Галина напомнила мне, как в шестидесятые годы минувшего века Шукшин ворвался в советское искусство. Никто ему, как Ивану-дураку из сказки «До третьих петухов», не давал справки на существование. Явился, обманув сапогами и простецким видом, за которыми обнаружился вскоре такой талант, что нельзя было его понимать иначе, как дар народный.

Шукшинские «чудики» добивались «души и свободы», слушали власть, говорившую с ними окостеневшим языком, вполуха, природным чутьём различали, где правда и где ложь, и старались жить сами по себе.

Перебирая старые учительские папки, она нашла «постоянный пропуск» на могилу Василия Макаровича. Наверное, она очень надоела чиновникам из Моссовета, когда в семидесятые — восьмидесятые годы возила своих учеников в Москву и умоляла дать им пропуск на Новодевичье кладбище — раньше оно было закрытым.

Галина читает, вспоминает, с грустью и щемящей болью в который раз перечитывает одну и ту же странную строку: «Номер вашей могилы 1-3-3». И задаёт себе и ему вопрос: «Василий

Макарович, что с нами происходит? Ведь для чего-то вы так настойчиво и неустанно стучались в наши души и тревожили совесть, почему-то со слезами говорили о России и как будто по отвесной стене лезли, срываясь и теряя опору, но снова и снова карабкаясь вверх, чтобы увидеть наконец, что там, по ту сторону».

«Когда нам хорошо, мы редко думаем, что где-то кому-то плохо»,— эти простые слова стали когда-то темой одного классного часа в средней школе № 2 города Невинномысска, где она трудилась более десяти лет. Её ученик Женя Бормотов принёс в тот день кустик калины, и ребята посадили его в школьном дворе, а Таня Гречкина прочитала собственные стихи:

Увижу калину —
и сразу Шукшин
Меж ягод огнём загорится...
Огромный костёр
до небесных вершин —
Ладонью не заслониться.

«Сердце Шукшина не выдержало,— делится Галина Змиевец,— потому что, когда Василию Макаровичу даже и было хорошо, он всё равно помнил, что где-то кому-то плохо. Вот почему его наброски к последнему рассказу „Чужие“ заканчиваются словами: „Ваня, ты как здесь?!“ Вот это с нами и происходит — ныне и присно и во веки веков.

...Конец ноября. Иду по городу. И непременно где-нибудь на углу увижу пожилую женщину, наверное, чью-то бабушку, предлагающую пучок калины красной. Стоит остановиться на мгновение и залюбоваться багряным цветом калины, напоминающим цвет крови: «Калина красная... Возьмите. Недорого».

Ох, как же дорогá мне эта калина красная из всех красных ягод российских!